

Научная статья
УДК 343.01
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-172-176>

Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах Соборного уложения 1649 года

Абдулханьянов Ильяс Абдулхаевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, abdulxann@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-4789-0341>

Аннотация. В представленной статье осуществляется ретроспективное исследование уголовно-правовых норм Соборного уложения 1649 года, сконструированных при помощи юридической фикции. Определяется, что она лежит в основе ответственности за так называемый «голый умысел», заключающийся в выражении во вне преступных мыслей, не подкрепленных подготовительными действиями. Делается вывод об обусловленности ее применения рядом политико-правовых и социально-экономических факторов.

Ключевые слова: юридическая техника, уголовное законодательство, Соборное уложение 1649 года, уголовно-правовая фикция, «голый умысел»

Для цитирования: Абдулханьянов И. А. Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах Соборного уложения 1649 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 172—176. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-172-176>.

Original article

A retrospective study of criminal law fiction in norms The Cathedral Code of 1649

Ilyas A. Abdulkhannyanov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, abdulxann@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-4789-0341>

Abstract. The article presents a retrospective study of the criminal law norms of the Cathedral Code of 1649, constructed with the help of legal fiction. It is determined that it underlies the responsibility for the so-called “naked intent”, which consists in expressing criminal thoughts outside, not supported by preparatory actions. The conclusion is made about the conditionality of its application by a number of political, legal and socio-economic factors.

Keywords: legal technique, criminal legislation, the Cathedral Code of 1649, criminal fiction, “naked intent”

For citation: Abdulkhannyanov I. A. A retrospective study of criminal law fiction in norms The Cathedral Code of 1649. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (58), pp. 172—176. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-172-176>.

Изучению истории уголовного законодательства, его отдельных институтов, норм всегда уделялось особое внимание. Ведь это позволяет выявить важнейшие закономерности государственно-правового и общественного бытия, особенности уголовно-правового регулирования, приоритетные направления уголовной политики на конкретных этапах исторического развития России. Универсальными, применимыми и к юридической науке кажутся слова В. Г. Белинского: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее

и намекнуло о нашем будущем» [1, с. 279]. Аналогичную мысль высказывал и классик отечественного правоведения профессор Н. С. Таганцев, утверждая о том, что понять современное право и определить направления его дальнейшего развития без изучения сформированного в истории опыта невозможно [2, с. 21].

Комплексная научная оценка предшествующих правовых предписаний способствует недопущению их негативных и использованию положительных примеров с учетом складывающихся конкретно-исторических условий при

© Абдулханьянов И. А., 2022

совершенствовании действующего законодательства, в том числе уголовного. Особенно важно это при исследовании процесса юрико-технического оформления нормативного материала, используемых при этом инструментов, в том числе юридической фикции. Под ней понимается гносеологическое средство юридической техники, при помощи которого в нормативном акте закрепляется положение, не соответствующее действительности, противоречащее ей в целях достижения определенных юридических последствий.

Исследование фикции в современном уголовном праве России будет не полным, односторонним без изучения примеров ее применения в уголовном законодательстве прошлых лет. К тому же данный вопрос еще никем не изучался в современной правовой доктрине. Ее историко-правовое исследование представляет значительный интерес как с юрико-технической, так и с содержательной точки зрения, позволяет лучше понять природу данного феномена и проследить его эволюцию, преемственность и последовательность развития.

Вне всяких сомнений зарождение и развитие уголовного права в России сложнейший, опосредованный многими факторами процесс, исследование сущности которого не охватывается целью настоящей работы. Она состоит в изучении одного из крупнейших исторических памятников права — *Соборного уложения 1649 года* и выявлении в нем примеров использования исследуемого средства — *юридической фикции*.

Уложение является крупнейшим кодифицированным правовым актом, одним из самых значительных законов русского права [3, с. 16], действовавшим вплоть до середины XIX века. Его содержание количественно и качественно отличалось от предшествующих Судебников 1497 и 1550 года и оказало серьезное влияние на дальнейшее развитие всей правовой системы России.

Соборное Уложение 1649 года представляло собой не банальное объединение в единый документ наиболее распространенных правовых норм, а структурно и системно-логически проработанный правовой акт, разбитый на 25 глав, каждая из которых имела свое наименование. Оно регулировало практически все стороны общественной жизни: экономику, землевладение, сословный строй, судопроизводство и многие другие процессуальные и материальные вопросы [4, с. 3].

Этот свод наиболее полно отражает особенности юридического мышления, искусства

формулирования новых правовых норм и адаптации старых, навыков группировки и классификации правового материала российской юридической сферы в XVII веке [5, с. 1]. По мнению дореволюционного правоведа и государственного деятеля П. И. Дегаля, уложение царя Алексея Михайловича показывает значительную степень образованности наших юристов «в обдуманности, точности юридических предметов и ясности их изложения» [6, с. 119].

По важному замечанию В. О. Ключевского, в отличие от Судебников 1497 года и 1550 года, регламентировавших преимущественно процессуальные вопросы, Соборное уложение изобиловало нормами материального права [7, с. 142], в том числе уголовного. Они отражали приоритетные направления государственной политики по дальнейшему закрепощению крестьян, укреплению централизованного управления, увеличению дворянского землевладения и оформлению идеологической основы государства в виде православия.

По мнению А. А. Рожнова, все дальнейшее уголовное законодательство России базировалось на началах, лежавших в основе Соборного уложения 1649 года [8, с. 78]. Нормы Общей и Особенной части еще не выделялись структурно, однако содержательно получили свою дальнейшую детализацию: нашла свое отражение попытка законодательного разграничения преступлений на умышленные, неосторожные и случайные; введены понятия «необходимая оборона» и «крайняя необходимость»; увеличилось количество составов преступлений, за которые назначалась смертная казнь; конкретнее определялись объекты преступных посягательств [9, с. 8] (I глава устанавливала ответственность за преступления против религии; II — против государства; IV, V, VI, VII, IX — против порядка управления; X, XIV — против суда; XIX — против законов о состояниях; XXI—XXII — против частных лиц [10, с. 342]).

Качественно иной юрико-технический подход к процедуре разработки и принятия, формулированию нормативных предписаний обнаруживается и в многогранности использованного при этом инструментария, в том числе юридической фикции.

Она, к примеру, используется в статье 1 главы II Соборного уложения, устанавливающей уголовную ответственность с наказанием в виде смертной казни за *помышление* на совершение посягательства на здоровье государя: «будет кто каким умышленьем учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое

умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию» [11, с. 20].

В настоящий момент преобладает точка зрения, согласно которой в указанной норме устанавливается преступность так называемого «голого умысла» на жизнь и здоровье государя, оцениваемого как и само его свершение [12, с. 364]. Следует отметить, что это первый, однако не последний случай закрепления в отечественном уголовном законодательстве ответственности за выраженную вовне мысль о желании совершить преступление.

Под «голым умыслом» в рамках современной доктрины уголовного права следует понимать формирование и обнаружение умысла как нулевого этапа совершения преступления. Обнаружение умысла, в свою очередь, раскрывается в следующих дефинициях: выражение лицом своего преступного намерения любым способом, не связанным с приготовлением к преступлению [13, с. 259]; извещение в различных формах окружающих лиц о возникшем у виновного общественно опасном замысле (А. П. Козлов) [14, с. 51]; объявление лицом своего действительного или мнимого намерения совершить преступление, выраженное вовне любыми способами и не имеющее внешнего воздействия на объект уголовно-правовой охраны (В. Н. Некрасов) [15, с. 129]; проявление вовне намерения совершить определенное преступление, выраженное в устной, письменной или иной форме, без осуществления конкретных действий по его реальному воплощению (К. Д. Николаев) [16, с. 50—51].

В настоящий момент еще ведутся теоретические дискуссии о роли и значении формирования и обнаружения умысла в системе уголовно-правовой квалификации преступных деяний, о признании либо непризнании его самостоятельной стадией (этапом) совершения преступления. В частности, как утверждает В. Н. Некрасов, некоторыми авторами указывается на существование в структуре Уголовного кодекса Российской Федерации норм, устанавливающих ответственность за обнаружение умысла (ст. 119, 280, ч. 3 ст. 212 УК РФ). Данные исследователи отождествляют обнаружение умысла с угрозой как одной из форм информационно-психического насилия [17, с. 58] и создают мнимую уголовно-правовую проблему.

Большинством ученых признается сформулированная еще в Римском праве и нашедшая

свое отражение во всех цивилизованных уголовных кодексах аксиома: *cogitationis poenam nemo patitur* — никто не несет наказания за мысли. Она подтверждается и различным образом обосновывается представителями науки уголовного права начиная со второй половины XIX века.

В частности Н. С. Таганцев указывал на то, что сложный и порой не всегда определяемый процесс формирования умысла находится за границей «человеческой юстиции», поскольку последняя не способна проникнуть в сокровенную работу мысли [18, с. 290—291].

В советской уголовно-правовой доктрине при исследовании данного вопроса популярны были слова К. Маркса о невозможности заключения в тюрьму только за моральные взгляды, политические и религиозные убеждения человека [19, с. 182].

Формирование и обнаружение умысла в соответствии с действующим Уголовным кодексом Российской Федерации не является преступлением, не относится ни к одной из форм неоконченного преступления и не влечет никакого наказания.

Обнаружение умысла есть «зародышевое» намерение, осознанная и иногда объективированная преступная мысль, не являющаяся по своей сути общественно-опасным деянием, а следовательно, и не охватывающееся действием закона [20, с. 300—301]. Выраженная вовне противозаконная мысль, ставшая результатом акта сознания, не подкрепленная какими-либо приготовительными действиями еще не свидетельствует о ее реальном воплощении в будущем и не содержит основополагающего материального признака преступления — общественной опасности. Заявленный преступный замысел не является началом реализации преступного намерения, а значит, не ставит объекты уголовно-правовой охраны под какую-либо угрозу причинения вреда.

Следует согласиться с обоснованием справедливости данного тезиса, предложенного профессором Н. Ф. Кузнецовой: 1) при обнаружении умысла не создается реальных условий для совершения преступления; 2) виновный не только не приближает последствия, но и отдаляет их, поскольку открытые им преступные намерения могут послужить третьим лицам препятствием для реализации; 3) обнаружение умысла не находится в причинно-обуславливающей связи с совершенным преступлением [21, с. 30].

В связи с вышеизложенным можно заключить, что при установлении уголовной

ответственности за обнаружение умысла («голого умысла») в российском уголовном законодательстве использовалась юридико-техническая фикция. Как было установлено, сами по себе мысли, намерения объективно не содержат признака общественной опасности, не свидетельствуют о реальной возможности их претворения в жизнь и не создают даже угрозы причинения вреда охраняемым законам благам, однако юридически признавалось иное, прямо противоположное, в чем и выражается фиктивность данного положения.

Одним из признаков юридической фикции является ее нацеленность на реализацию уголовной политики государства в отдельные периоды своего существования, что находит свое историческое подтверждение.

Возвращаясь к содержанию Соборного уложения 1649 года, отметим, что установление ответственности за «голый умысел» на жизнь и здоровье государя обуславливалось рядом политических факторов. Как отмечает Г. Г. Тельберг, появление изучаемой нормы было детерминировано недавними угрозами Смутного времени, а также шумными и кровавыми событиями, «развернувшимися на улицах столицы накануне самых работ над Уложением» [22, с. 55—57].

В условиях восстановления государственного устройства после кризисных событий 1598—1613 годов и воцарения новой династии Романовых особенно важно было обеспечить защищенность и непрерываемость власти действующего монарха, что нашло свое отражение в появлении целой группы государственных преступлений, видное место среди которых и заняла статья 1 главы II Соборного уложения.

Ответственность за «голый умысел» на жизнь и здоровье государя свидетельствовала о недопустимости существования антигосударственной направленности личности и имела глубокий предупредительный потенциал. Применение юридико-технической фикции в данном случае обоснованно и оправданно, имело своим глобальным назначением укрепление действующей государственной суверенной власти, хотя и противоречило базовым правовым принципам.

Помимо данной статьи, уголовная ответственность за обнаружение умысла устанавливалась в статье 8 главы XXII Уложения, где указывалось: «А будет чейнибудь человек помыслит смертное убийство на того, кому он служит...и ему за такое дело отсечь рука» [11, с. 130]. Субъектом указанного преступления являлся

холоп или иной слуга, состоящий на службе. Оно не относилось к категории политических и потому влекло более мягкое наказание (отсечение руки) [11, с. 146]. Существование такой нормы в Уложении определялось дальнейшим оформлением сословно-классовых отношений, начатым еще в древнерусском законодательстве, и возникающими в связи с этим противоречиями.

Установление уголовной ответственности за «голый умысел» является наиболее ярким историческим примером использования юридической фикции при конструировании уголовно-правовых предписаний в Соборном уложении 1649 года. Как показало исследование, ее применение обуславливалось рядом политико-правовых и социально-экономических факторов, связанных главным образом с обеспечением устойчивости действующей власти.

Список источников

1. Белинский В. Г. Русская литература. Обзоры за 1840—1846 годы. М.: Издательство Юрайт, 2020. 396 с.
2. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. 1. Учение о преступлении. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1874. 284 с.
3. Анучина Ю. Н. Историко-правовое исследование гражданского права по Соборному уложению 1649 года: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 240 с.
4. Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. СПб., 1980. 369 с.
5. Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / сост., автор предисловия и вступит. ст. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. 421 с.
6. Дегай П. Пособия и правила изучения российских законов. М., 1831. 143 с.
7. Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 3. 414 с.
8. Рожнов А. А. Уголовное право Московского государства (XIV—XVII вв.). Ульяновск, 2007. 169 с.
9. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 702 с.
10. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Киев: Н. Я. Оглоблин, 1915. 712 с.
11. Соборное уложение 1649 г. / коммент. Г. В. Абрамовича и др.; руковод. авт. коллектива А. Г. Маньков. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. 448 с.
12. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903. 664 с.
13. Уголовное право. Общая часть: курс лекций / под ред. докт. юрид. наук проф. А. П. Кузнецова; канд.

юрид. наук, доц. Е. Е. Черных. М.: Юрлитинформ, 2018. 568 с.

14. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления: монография. СПб., 2002. 351 с.

15. Некрасов В. Н. Обнаружение умысла как этап совершения преступления // Актуальные вопросы назначения и исполнения уголовных наказаний: сборник научных трудов / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда, 2017. С. 124—130.

16. Николаев К. Д. Понятие, признаки, виды и значение стадий совершения умышленного преступления // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 3 (28). С. 49—51.

17. Паносян А. Т. Формирование и обнаружение умысла как стадии развития умышленного преступления // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 2 (25). С. 56—59.

18. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. / сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. М., 1994. Т. 1. 419 с.

19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. 723 с.

20. Майстренко Г. А. Стадии совершения преступления: научные концепции и правовое регулирование // Образование и право. 2020. № 10. С. 299—302.

21. Кузнецова Н. Ф. Ответственность за приготовление и покушение по советскому уголовному праву / под ред. Г. А. Мендельсон. М., 1958. 204 с.

22. Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. 342 с.

References

1. Belinsky V. G. Russian literature. Reviews for the years 1840—1846. Moscow: Yurayt Publ., 2020. 396 p. (In Russ.)

2. Tagantsev N. S. Course of Russian criminal law. The general part. Book 1. The doctrine of crime. St. Petersburg: Type. M. M. Stasyulevich, 1874. 284 p. (In Russ.)

3. Anuchina Yu. N. Historical and legal study of civil law according to the Cathedral Code of 1649. Dissertation... candidate of legal sciences. Saratov, 2009. 240 p. (In Russ.)

4. Mankov A. G. The Code of 1649 — the Code of feudal law of Russia. St. Petersburg, 1980. 369 p. (In Russ.)

5. The Cathedral Code of 1649. Legislation of Tsar Alexei Mikhailovich / compiler, author of the preface and introductory articles V. A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo Publ., 2011. 421 p. (In Russ.)

6. Degai P. Manuals and rules for studying Russian laws. Moscow, 1831. 143 p. (In Russ.)

7. Klyuchevsky V. O. Essays. Moscow, 1957. Vol. 3. 414 p. (In Russ.)

8. Rozhnov A. A. Criminal law of the Moscow State (XIV—XVII centuries). Ulyanovsk, 2007. 169 p. (In Russ.)

9. Criminal law. The general part. Crime. Academic course. In 10 vols. Vol. IV. Criminal law. Legislative technique / ed. by doct. of sciences (law), prof. N. A. Lopashenko. Moscow: Yurлитinform Publ., 2016. 702 p. (In Russ.)

10. Vladimirovsky-Budanov M. F. Review of the history of Russian law / [Op.] Prof. M. F. Vladimirovsky-Budanov. 7th ed. Kiev: N. Ya. Ogloblin, 1915. 712 p. (In Russ.)

11. The Cathedral Code of 1649 / comment. G. V. Abramovich et al.; the head of the author. collective A. G. Mankov. Leningrad.: Nauka: Leningr. otd-nie Publ., 1987. 448 p. (In Russ.)

12. Sergeevich V. I. Lectures and research on the ancient history of Russian law. 3rd ed. St. Petersburg, 1903. 664 p. (In Russ.)

13. Criminal law. General part: a course of lectures / ed. by doct. of sciences (law), prof. A. P. Kuznetsova; cand. of sciences (law), associate professor E. E. Chernykh. Moscow: Yurлитinform Publ., 2018. 568 p. (In Russ.)

14. Kozlov A. P. The doctrine of the stages of crime: monograph. St. Petersburg., 2002. 351 p. (In Russ.)

15. Nekrasov V. N. Detection of intent as a stage of committing a crime. *Topical issues of the appointment and execution of criminal penalties: a collection of scientific papers* / ed. by V. N. Nekrasov. Vologda, 2017, pp. 124—130. (In Russ.)

16. Nikolaev K. D. The concept, signs, types and meaning of the stages of committing an intentional crime. *Bulletin of the Omsk Law Academy*, 2015, no. 3 (28), pp. 49—51. (In Russ.)

17. Panosyan A. T. Formation and detection of intent as a stage of development of intentional crime. *Vector of Science TSU. Series: Legal Sciences*, 2016, no. 2 (25), pp. 56—59. (In Russ.)

18. Tagantsev N. S. Russian Criminal Law: lectures. General part: in 2 vol. / comp. and ed. by N. I. Zagorodnikov. Moscow, 1994. Vol. 1. 419 p. (In Russ.)

19. Marx K., Engels F. Op. 2nd ed. Vol. 1. 723 p. (In Russ.)

20. Maistrenko G. A. Stages of committing a crime: scientific concepts and legal regulation. *Education and law*, 2020, no. 10, pp. 299—302. (In Russ.)

21. Kuznetsova N. F. Responsibility for preparation and attempt under Soviet criminal law / ed. by G. A. Mendelson Moscow, 1958. 204 p. (In Russ.)

22. Telberg G. G. Essays on the political court and political crimes in the Moscow state of the XVII century. Moscow, 1912. 342 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 09.06.2022.